

Владимир Головин – поэт, журналист, призер VIII Всемирного поэтического фестиваля «Эмигрантская лира – 2016». Член Союза писателей Грузии, заместитель редактора журнала «Русский клуб». Работал в Грузинформ-ТАСС, «Общей газете» Егора Яковлева, газете Russian bazaar (США), различных изданиях Израиля и России. Член редколлегии и один из авторов книги репортажей «Стихия и люди: день за днем», получившей в 1986 году премию Союза журналистов Грузии. В 2006-2011 годах – главный редактор самой многотиражной русской

язычной газеты Грузии «Головинский проспект». Автор поэтического сборника «По улице воспоминаний», книг «Головинский проспект» и «Завлекают в Сололаки стертые пороги». Стихи и переводы напечатаны в сборниках и альманахах «Иерусалимские страницы» (Израиль), «Музыка русского слова в Тбилиси», «На холмах Грузии», «Плеяда Южного Кавказа» и «Перекрестки» (Грузия), «Окна», «Путь дружбы», «Крестовый перевал» (Германия), «Эмигрантская лира» (Бельгия).

Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб» (МКПС) – грузинская общественная неправительственная организация. Зарегистрирована в 2003 году. Входит в Международный союз российских соотечественников (МСРС). Президент Союза – Николай Свентицкий, директор Тбилисского государственного академического русского драматического театра им. А.С. Грибоедова, заслуженный деятель искусств РФ, кавалер Ордена Дружбы. На сегодняшний день членами Союза являются более пяти тысяч людей из разных стран мира – как частные персоны, так и целые организации. Главная задача «Русского клуба» – всестороннее развитие и укрепление культурных связей между Грузией и Россией как двумя независимыми государствами на основе сотрудничества, дружбы и взаимопонимания. Деятельность союза охватывает самые разные сферы жизни – литературу и искусство, образование и науку, спорт и туризм. С момента основания Союз организовал и реализовал более 350 разнообразных проектов, самый масштабный из которых – ежегодный Международный русско-грузинский поэтический фестиваль (2007-2014); за семь лет участниками фестиваля были ведущие поэты Грузии и более пятисот литераторов из почти пятидесяти стран мира. Союз является издателем общественно-художественного журнала «Русский клуб», серий «Литературное приложение» к журналу, «Библиотека «Русского клуба», «Детская книга».

РУССКИЕ В ГРУЗИИ

ВЛАДИМИР ГОЛОВИН

**ЧЕТЫРЕ ПОПЫТКИ
ИЗМЕНИТЬ СУДЬБУ**
МИХАИЛ БУЛГАКОВ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»
www.russianclub.ge rusculture@mail.ru

БИБЛИОТЕКА МЕЖДУНАРОДНОГО КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО
СОЮЗА «РУССКИЙ КЛУБ»

ВЛАДИМИР ГОЛОВИН

ЧЕТЫРЕ ПОПЫТКИ
ИЗМЕНИТЬ
СУДЬБУ
МИХАИЛ БУЛГАКОВ

Тбилиси
2017

Русско-грузинские культурные взаимоотношения поистине являются историческим феноменом, не имеющим аналогов.

Россию и Грузию связывают 11 веков взаимного общения. Начало этих отношений восходит к X веку — в древнерусских летописях упоминаются Грузия и Тбилиси. В 1491 году были установлены дипломатические отношения. При Петре Первом на берегах реки Пресни заложена Грузинская слобода (в просторечье — «Грузины», ныне — Большая Грузинская). А с конца XVIII века, после заключения в 1783 году Георгиевского трактата, отношения между странами стали особо тесными и интенсивными.

На покровительство Грузия отвечала помощью и поддержкой — в том числе, культурной, духовной. Приют, пристанище здесь обретали многие великие русские — опальные и гонимые в России, в Грузии они всегда находили свободу, работу и почитание.

Серия «Русские в Грузии» — первый опыт систематизированного освещения богатейшей истории пребывания в Грузии выдающихся российских деятелей искусства, религии, науки, литературы, спорта, достойных благодарной памяти потомков.

Серия станет настоящей энциклопедией русско-грузинских взаимоотношений.

Проект направлен на популяризацию российского культурного наследия, возрождение интереса к России в Грузии и к Грузии в России, активизацию общественного диалога и культурного общения двух православных народов-соседей.

Издатель —
Международный культурно-просветительский Союз
«Русский клуб»

При финансовой поддержке:
**«Департамента внешнеэкономических и международных связей города Москвы» и
«Правительства Москвы»**

Руководитель проекта —
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ
заслуженный деятель искусств РФ,
заслуженный артист РФ

© **Русский клуб. 2017**
ISBN 978-9941-27-442-8

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Если бы сегодня всемогущий персонаж великого романа перенес своего создателя в Грузию, тот не узнал бы мест, в которых впервые побывал в 1921 году. Тогда Михаила Афанасьевича привели в Тифлис дела не только театральные. Этот город должен был стать еще и «перевалочным пунктом» на пути в Батуми, откуда начинающий писатель надеялся бежать в Турцию. Подальше от темных полос жизни, которых становилось все больше и больше.

В роскошный морской курорт превратился сегодня некогда провинциальный Батуми, где Булгаков голодал, искал хоть какой-нибудь литературный заработок и уговаривал капитанов спрятать его в корабельном трюме. А в Тбилиси уже и вовсе нет основных булгаковских мест. В центре грузинской столицы исчезли два соседних здания, связанных с именем писателя. В 1921-м в одном из них — номерах «Пале-Рояль» на Дворцовой улице — он жил, в другом — Русском академическом театре — «пробивал» свое детище, а спустя семь лет пытался возобновить постановку еще одной пьесы. Теперь на их месте, соответственно, торгово-развлекательный центр «Галерея Тбилиси» и скрытое

за его громадой новое здание Тбилисского государственного академического русского драматического театра имени А.С. Грибоедова.

Дворцовая улица сейчас — начало проспекта Руставели, на котором стояла гостиница «Ориент» принявшая Булгакова уже в 1928-м. Став с годами «Интуристом», а затем — Домом художника, она сгорела зимой 1991-92 годов, и остатки стен, помнящих Михаила Афанасьевича, были снесены как печальный памятник «тбилисской войны». Которой, уверен, могло не быть, если бы в очередной раз не снял очки Абадонна, «работающий безукоризненно, на редкость беспристрастный и равно сочувствующий обеим сражающимся сторонам»...

Но все это будет через десятилетия после того, как Булгаков несколько раз устремлялся в Грузию, лелея радужные надежды, которым, увы, не суждено было сбыться. И в этой книге мы последуем за ним, чтобы увидеть, что привело его в эту страну, как жил здесь Михаил Афанасьевич, что связывало писателя с ней.

Так что не удержусь: «За мной, читатель!»

Михаил Булгаков в начале 1920-х гг.

«ОН В ЭТО ВРЕМЯ
УЖЕ МЕЧТАЛ
ПЕЧАТАТЬСЯ»

К границам Грузии, во Владикавказ, Булгаков попадает осенью 1919 года, вновь став военным врачом. Позади — служба в белом халате в годы Первой мировой войны в прифронтовой зоне и во время знаменитого Брусиловского прорыва, затем работа доктором в Смоленской губернии, в Вязьме и, наконец, в Киеве. Там, в родном городе, Михаил Афанасьевич проводит страшные два года. Сменяются во власти Центральная рада, белогвардейцы, петлюровцы, большевики, немцы, гетман Скоропадский, Украинская Народная Республика... По словам Ильи Эренбурга, «никто не

знал, кто кого завтра будет расстреливать, чьи портреты вывешивать, а чьи прятать, какие деньги брать, а какие постараться вручить простофилю». А Любовь Белозерская, ставшая спустя годы второй женой Булгакова, рассказывала: «В Киеве был ужас... Конечно, в «Белой гвардии» все очень смягчено! Даже на удивление! Там ведь было что-то ужасное! Тогда я ничего не боялась — а теперь я вспоминаю то, что видела, — мне даже иногда теперь это снится — вспоминаю, и меня охватывает страх!»

Конечно же, каждая новая власть решает умножить свое войско и объявляет мобилизацию. Войску же необходимы врачи, потому «гребут» и их. Мобилизации при большевиках Булгакову удастся как-то избежать. Украинская Народная Республика отнеслась к этому делу намного серьезней, а первая жена Булгакова, Татьяна Николаевна Лаппа, вспоминала: «Его сначала мобилизовали синежупанники. Я куда-то уходила, пришла — лежит записка: «Приходи туда-то, принеси то-то, меня взяли». Прихожу — он сидит на лошади. «Мы уходим за мост — приходи туда завтра!» Пришла, принесла ему что-то. Потом дома слышу — синежупанники отходят. В час ночи — звонок... Открываем: стоит весь бледный... Он прибежал совершенно невменяемый, весь дрожал. Рассказывал: его уводили со всеми из города, прошли мост, там дальше столбы или колонны... Он отстал, кинулся за столб — и его не заметили... После этого заболел, не мог вставать... Была температура высокая. Наверно, это было что-то нервное».

Однако в октябре 1919-го, через пару месяцев после того, как Киев заняла Добровольческая армия Деникина, не удается избежать предписаний приказа № 35 Главноначальству-

ющего и командующего войсками о призыве на военную службу «для пополнения действующих частей... кадровых военных врачей, состоящих за штатом, врачей запаса, ополчения и белобилетников, а также зауряд-врачей, в возрасте до 50 лет включительно...». И вновь воспоминания Татьяны Николаевны: «Он получил мобилизационный листок, кажется, обмундирование — френч, шинель. Его направили во Владикавказ, в военный госпиталь... В Киеве он в это время уже мечтал печататься. Добровольцем он совсем не собирался идти никуда... Назначение было именно во Владикавказ, и не с санитарным поездом... В Киеве я жила без него недолго, меньше месяца... Получила от него телеграмму из Владикавказа, и сразу вслед за телеграммой письмо: «Остановился я в Ростове и играл на бильярде». Поехала».

Так Михаил Афанасьевич становится начальником санитарного околотка 3-го Терского казачьего полка, который сражается на Северном Кавказе с восставшими горцами. Киевский интеллигент ненавидит вообще всю братоубийственную гражданскую войну, но с белыми его, все-таки, связывает большее, чем с красными. «Довоенное время» — с большой счастливой семьей, уютным домом, любимой работой, светом, теплом и ясностью — остается для него идеалом на всю жизнь. А расстрел царской семьи и впечатления от революционных событий, свидетелем которых он был на Смоленщине, в Вязьме и Киеве, приводят в ужас.

Из Владикавказа Булгакова посылают в Беслан и в Грозный. Приехавшей жене он говорит: «Я печатаюсь» и слышит в ответ: «Ну, поздравляю, — ты же всегда этого хотел». Поначалу они вместе ездят в перевязочный от-

М. Булгаков — врач на Первой мировой войне

ряд под Грозным, на тачанке, с винтовкой наготове, но потом начальство объявляет: «Никаких жен!» «Он стал ездить один. Уезжал утром, на ночь приезжал домой. Однажды попал в окружение, но вырвался как-то и все равно пришел ночевать...», — вспоминала Татьяна Лаппа. Но это все — чисто врачебные обязанности, мы же помним слова: «Я печатаюсь». Долгое время не удавалось установить, что конкретно стоит за ними — не скрывая самого факта, писатель избегает деталей в своих последующих автобиографиях. Наконец литературоведы установили, что это был не только фельетон «Грядущие перспективы», опубликованный в газете «Грозный» 26 ноября 1919 года под инициалами «М. Б.». Отысканы даже два экземпляра этой газеты. И давайте прочтем основные положения фельетона. По трем причинам: во-первых, не так

Первая жена писателя Татьяна Лаппа

9

О нет! Наши дети, быть может, а
быть может, и внуки, ибо размах исто-
рии широк и десятилетия она также

Владикавказ. Начало 1920-х гг.

легко «читает», как и отдельные годы.

И мы, представители неудачливого поколения, умирая еще в чине жалких банкротов, вынуждены будем сказать нашим детям:

— Платите, платите честно и вечно помните социальную революцию!

«БЫЛ ВОЕННЫМ ВРАЧОМ И СОТРУДНИЧАЛ В ГАЗЕТЕ»

Что и говорить, фельетон, в котором четко прослушиваются нотки и темы некоторых будущих произведений Булгакова, явно не дышит симпатией к коммунистам. И вполне понятно, что через пять лет, составляя автобиографию, которая должна быть опу-

бликована в советской печати, автор совсем по-иному представит начало своей литературной деятельности: «Как-то ночью, в 1919 году, глухой осенью едучи в расхлябанном поезде, при свете свечечки, вставленной в бутылку из-под керосина, написал первый маленький рассказ. В городе, в который затащил меня поезд, отнес рассказ в редакцию газеты. Там его напечатали». В 1924 году упоминать о такой статье, да еще указывать газету, в которой она появилась, было смерти подобно. Лучше, уж, поведать о некоем «маленьком рассказе».

Лиха беда начало: после этого дебюта следует зима 1919-1920 годов, во время которой Булгаков делом доказывает, что начал всерьез задумываться о смене медицины на литературный труд. Писатель Юрий Слезкин, работавший с ним в газете «Кавказ»: «Встретились мы во Владикавказе при белых. Он был военным врачом и сотрудничал в газете в качестве корреспондента». Сам Михаил Афанасьевич: «Фельетоны мои шли во многих кавказских газетах». А потом

Владикавказ. Здесь жил Булгаков

начинаются события, развернувшие его жизнь и вовсе в неожиданную сторону.

В феврале 1920-го в самом крупном встречном-конном сражении Гражданской войны под станицей Егорлыкская разгромлена основная ударная сила Деникина и красные переходят в наступление. Владикавказский госпиталь расформируется, а Булгаков заболевает тифом и не может уйти с отступающими белыми отрядами. «Во время болезни у него были дикие боли, беспамятство... Потом он часто меня упрекал: «Ты — слабая женщина, не могла меня вывезти!» Но когда мне два врача говорят, что на первой же остановке он умрет, — как же я могла везти? Они мне так и говорили: «Что же вы хотите — довести его до Казбека и похоронить?», — вспоминала Татьяна Лаппа.

Когда Михаил Афанасьевич выздоравливает, в городе уже красные. Немного окрепнув он идет в политотдел и встречает там Юрия Слезкина. Тот назначен «заведующим подотделом искусств Терского Наробраза» и, естественно, находит работу для

друга. «Пошатывает и тошнит. Но я заведываю. Зав. Лито. Осваиваюсь», — пишет в автобиографических «Записках на манжетах» Булгаков, которого одна из сотрудниц запоминает таким: «Он был со снятыми погонами, фуражка мятая, обмотки... Кто он по профессии — было неизвестно. Был насмешлив, сочинял шуточные стихи». Проходит всего месяц, а в местной газете его уже всерьез именуют писателем, потом он заведует уже театральной секцией, организует Народную драматическую студию сценического искусства, пишет для Первого советского театра «Юмореск в 1-м действии «Самооборона».

Чего не сделаешь ради куска хлеба, живут-то они с женой впроголодь, несмотря на то, что Слезкин устраивает ее статисткой в русский театр. Вот воспоминания этой статистки: «Театр денег не платил — только выдавали постное масло и огурцы... Подотдел ему тоже не платил. Только за пьесы потом уже платили. Жили мы в основном на мою золотую цепь — отрубали по куску и продавали. Она была витая, как веревка, чуть уже мизинца толщиной... Я все больше покупала печенку на базаре, где-то брала мясорубку и делала паштет».

Но есть и нечто намного страшнее

Труппа Владикавказского русского театра. Стрелкой указан М. Булгаков

полуголодной жизни. Сергей Киров на большом митинге во Владикавказе заявляет, что «сильно удивлен теми настроениями, которые еще существуют у местных обывателей... они все еще думают, что советская власть — временная... они все еще шипят на всех углах и перекрестках». Это — уже сигнал к охоте на «бывших». И Булгаков предупреждает даже живущую в Москве сестру, чтобы с приезжающей из Владикавказа знакомой не было никаких разговоров о том, где он работал медиком. «Я и сам не веду с тех пор, как окончил естественный и занимаюсь журналистикой». Но во Владикавказе от этого прошлого не скрыться. «Был май месяц, — вспоминала его жена, — Михаил ходил еще с палкой, опирался на мою руку. В это время как раз приехали коммунисты, какая-то комиссия, разыскивали белогвардейцев. И я слышу, как кто-то говорит: «Вот этот печатался в бело-

гвардейских газетах»... Я вообще не понимаю, как он в тот год остался жив — его десять раз могли опознать!» Потом на улице, здороваясь, ее называет «барыней» бывший вестовой мужа, перешедший в Красную Армию...

А после большого диспута о Пуш-

Юрий Слезкин

«МОИ СКИТАНИЯ ДАЛЕКО НЕ КОНЧЕНЫ»

Все это время, балансируя на грани ареста, он пишет. В советском Владикавказе публикуют лишь одну статью — «Неделя просвещения», в газете «Коммунист» 1 апреля 1921 года. О серьезном творчестве — единственное туманное сообщение двоюродному брату Константину в феврале того же года: «Пишу роман, единственная за все это время продуманная вещь. Но печаль опять: ведь это индивидуальное творчество, а сейчас идет совсем другое. Дело в том, что творчество мое разделяется резко на две части: подлинное и вымученное». Вымученное — пять пьес, которые сам же называет «рванью». Самоуничижительная оценка. И все же, присмотримся к двум из этих пьес.

У первой — название, так много говорящее нам сегодня, «Братья Турбины». Конечно, она еще далека от той, принесшей автору славу, но уже свидетельствует: Булгаков не просто занимается поденщиной, а пытается художественно переосмыслить происшедшее с его классом, со страной. Вторая пьеса — революционная, «Сыновья муллы». Он вспоминает: «Ее немедленно купили за 200 тысяч. И через две недели она шла... Чеченцы, кабардинцы, ингуши после того, как в третьем акте геройские наездники ворвались и схватили пристава и стражников, кричали:

— Ва! Подлец! Так ему надо!

Памятник М. Булгакову во Владикавказе

кине выступившему там Булгакову газета «Коммунист» уже прямо клеит ярлыки, не сулящие ничего хорошего: «Русская буржуазия, не сумев убедить рабочих языком оружия, вынуждена попытаться завоевать их оружием языка. Объективно такой попыткой использовать «легальные возможности» являются выступления гг. Булгакова и Беме на диспуте о Пушкине. Эти выступления, не прибавляя ничего к лаврам поэта, открывают только классовую природу защитников его революционности... Они вскрывают контрреволюционность этих защитников...» Еще через три месяца — самый тревожный звонок, разгромный «Доклад комиссии по обследованию деятельности подотдела искусств» от 28 октября 1920 года. В нем мы прочтем: «Изгнаны: 1. Гатуев, 2. Слезкин, 3. Булгаков (бел.), 4. Зильберминц». Пометка «бел.» говорит сама за себя...

И вслед за подотдельскими ба-
рышнями вызывали «автора!»

Именно эту пьесу, написанную «в
соавторстве с голодухой», Булгаков
надеется поставить в Тифлисе, когда
приходится бежать из Владикавказа.
Об этом побеге он думает постоянно.
Заглянем в его письма 1921 года
родным: «На случай, если я уеду да-
леко и надолго, прошу тебя о следу-
ющем...», ««Если уеду и не увидимся
— на память обо мне», «Мои скитания
далеко не кончены. Весной я должен
ехать или в Москву... или на Черное
море, или еще куда-нибудь...» На-
конец, направление, в котором надо
«смаываться» из «Владикавказа —
паршивого города», определено. Оно
раскрывается в одном из подзаголов-
ков первой главы автобиографическо-
го рассказа «Богема» — «Верхом на
пьесе в Тифлис». То есть, постановка
«Сыновей муллы» — официальный по-
вод для отъезда в столицу Грузии. А
оттуда, конечно, за границу: «Вперед.
К морю. Через море и море, и Фран-
цию — сушу — в Париж!».

В «Богеме», впервые напечатан-
ной в 1925-м в популярном журнале
«Красная нива», по словам Булга-
кова, «специфически-советской тон-
ко-журнальной клоаке», он так опи-

сывает для широкой публики выбор
маршрута:

«Почему же? Почему именно в
Тифлис?... говорили, что:

- 1) В Тифлисе открытые все мага-
зины.
- 2) —»- есть вино.
- 3) —»- очень жарко и дешево
фрукты.

- 4) —»- много газет и т.д. и т.д.

Я решил ехать. И прежде всего
уложился. Взял свое имущество, оде-
яло, немного белья, керосинку».

Ох, уж, этот великий мистифика-
тор Михаил Афанасьевич! Правду он
пишет в мае 1921-го, совсем в дру-
гом тексте, в письме, которое могла
прочесть лишь его сестра: «Дорогая
Надя, сегодня я уезжаю в Тифлис-
Батум... Выезжаю спешно, пишу
коротко». Так что, Тифлис нужен, в
основном, чтобы добраться из него
до Батуми. А там — рукой подать и до
Константинополя...

«...ОЧЕНЬ ХОЧЕТСЯ В ТИФЛИС»

Тут самое время для потрясаю-
щих отрывков из рассказа Булгакова
о том, как он уезжал из Владикавказа:

«В 1921 году было несколько ина-
че, чем в 1924 г. Именно нельзя было
так ездить: снялся и поехал черт знает
куда! Очевидно, те, что ведали разъ-
ездами граждан, рассуждали прибли-
зительно таким образом:

— Ежели каждый начнет ездить, то

что же это получится?

Нужно было поэтому получить
разрешение. Я немедленно подал
куда следует заявление и в графе, в
которой спрашивается:

— А зачем едешь?

Написал с гордостью:

— В Тифлис для постановки моей
революционной пьесы.

Во всем Владикавказе был толь-
ко один человек, не знавший меня в
лицо, и это именно тот бравый юноша
с пистолетом на бедре, каковой юно-
ша стоял, как пришитый, у стола, где
выдавались ордера на проезд в Тиф-
лис.

Когда очередь дошла до моего ор-
дера и я протянул к нему руку, юноша
остановил ее на полпути и сказал го-
лосом звонким и непреклонным:

— Зачем едете?

— Для постановки моей революци-
онной пьесы.

Тогда юноша запечатал ордер в
конверт, и конверт, а с ним и меня
вручил некоему человеку с винтов-
кой, молвив:

— В особый отдел.

— А зачем? — спросил я. На что
юноша не ответил...

Я бегло, проходя через двор, при-
помнил все свои преступления. Ока-
залось — три.

1) В 1907 г., получив 2 р. 50 коп. на
покупку физики Краевича, истратил их
на кинематограф;

2) в 1913 г. женился, вопреки воле
матери;

3) в 1921 г. написал этот знамени-
тый фельетон.

Пьеса? Но, позвольте, может, пье-
са вовсе не криминал? А наоборот...

Сидящий за столом, увидав меня,
хотел превратить свое лицо из симпатичного в неприветливое и несимпатичное, причем это удалось ему толь-
ко наполовину.

Он вынул из ящика стола фотогра-
фическую карточку и стал всматри-
ваться по очереди то в меня, то в нее.
— Э, нет. Это не я, — поспешно за-
явил я.

— Усы сбрить можно, — задумчиво
отозвался симпатичный.

— Да, но вы всмотритесь, — загово-
рил я, — этот черный, как вакса, и ему
лет 45. А я блондин, и мне 28.

— Краска? — неуверенно сказал
маленький.

— А лысина? И кроме того, всмо-
тритесь в нос. Умоляю вас обратить
внимание на нос.

Маленький всмотрелся в мой нос.
Отчаяние овладело им.

— Верно. Не похож.

Произошла пауза, и солнечный
зайчик родился в чернильнице.

— Вы бухгалтер?

— Боже меня сохрани.

Пауза. И кроны каштанов. Лепной
потолок. Амуры.

— А зачем вы в Тифлис едете? От-
вечай быстро, не задумываясь, — ско-

роговоркой проговорил маленький.

— Для постановки моей революционной пьесы, — скороговоркой ответил я.

Маленький открыл рот и отшатнулся и весь вспыхнул в луче.

— Пьесы сочиняете?

— Да. Приходится.

— Ишь ты. Хорошую пьесу написал?

В тоне его было что-то, что могло тронуть любое сердце, но только не мое. Повторяю, я заслуживаю каторги. Пряча глаза, я сказал:

— Да, хорошую.

Да. Да. Да. Это четвертое преступление, и самое тяжкое из всех. Если б я хотел остаться чистым перед особым отделом, я должен был бы ответить так:

— Нет. Она не хорошая пьеса. Она — дрянь. Просто мне очень хочется в Тифлис.

Я смотрел на носки своих разорванных сапог и молчал. Очнулся я, когда маленький вручил мне папиросу и мой ордер на выезд.

Маленький сказал тому с винтовкой:

— Проводи литератора наружу...»

И вот, выехав 26 мая, Булгаков через Баку, в теплушке, добирается до заветного города. Тифлиса. Того самого, о котором столько наслушался еще во Владикавказе:

«Вчера ехал Рюрик Ивнев. Из Тифлиса в Москву.

— В Москве лучше.

Доездили до того, что однажды лег у канавы:

— Не встану! Должно же произойти что-нибудь!

Произошло: случайно знакомый подошел к канаве — и обедом накормил.

Другой поэт. Из Москвы в Тифлис.

— В Тифлисе лучше».

В здании справа находились номера «Пале-Рояль»

«А В СЕРДЦЕ ИЕРОГЛИФЫ ТЯЖКИЕ»

Что ж, здесь действительно лучше — уже хотя бы потому, что нет никаких осложнений по «политической линии»: «Как перед истинным богом, скажу, если кто меня спросит, чего я заслуживаю: заслуживаю я каторжных работ. Впрочем, это я не за Тифлис, в Тифлисе я ничего плохого не сделал. Это за Владикавказ». Лучше — и из-за того, что есть деньги — получил за тех самых «Сыновей муллы». «Пристраивая» эту пьесу в Русском академическом театре, можно жить в соседних с ним номерах «Пале-Рояль», откуда 2 июня 1921 года в Москву адресует-ся через Владикавказ единственное сохранившееся письмо Булгакова из Тифлиса: «Дорогие Костя и Надя, вызываю к себе Тасю из Влад. и с ней уезжаю в Батум, как только она придет и как только будет возможность...

«Турбиных» переделываю в большую драму... Целую всех. Не удивляйтесь моим скитаниям, ничего не сделаешь. Никак нельзя иначе. Ну и судьба! Ну и судьба!».

Тася — Татьяна Лаппа, пересылая это письмо, приписывает: «Через два часа уезжаю к Мише в Тифлис. 3 часа ночи». По приезде номера, в которых они остановились, закладывают ей тем, что в них... не было клопов. Ну, а для нас, спустя десятилетия, их цен-

Русский академический театр в Тифлисе

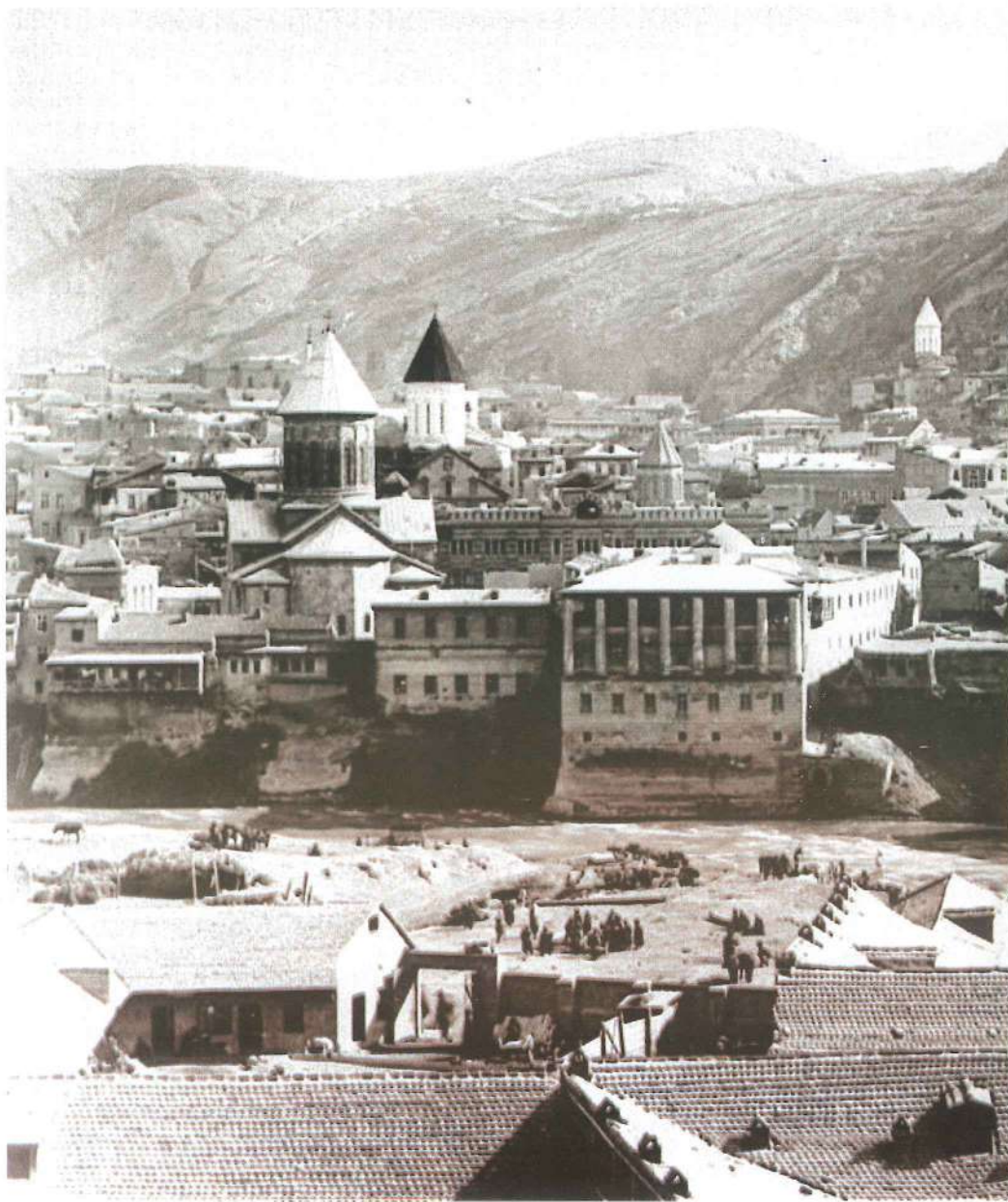
ность в следующем: именно в стенах тифлисского «Пале-Рояля» Булгаков работает над тем, что через три года воплотилось в первый вариант романа «Белая гвардия». Но добиться постановки «Сыновей муллы» в Грузии так и не удастся. Татьяна Николаевна: «Михаил поехал в Тифлис — ставить пьесу, вообще разведать почву. Потом приехала я. В постановке пьесы ему отказали, печатать его тоже не стали. Ничего не выходило...»

Несомненно, были тогда и встречи в местных литературных кругах, но об этом мы ничего не знаем. Этот период жизни Михаила Афанасьевича —

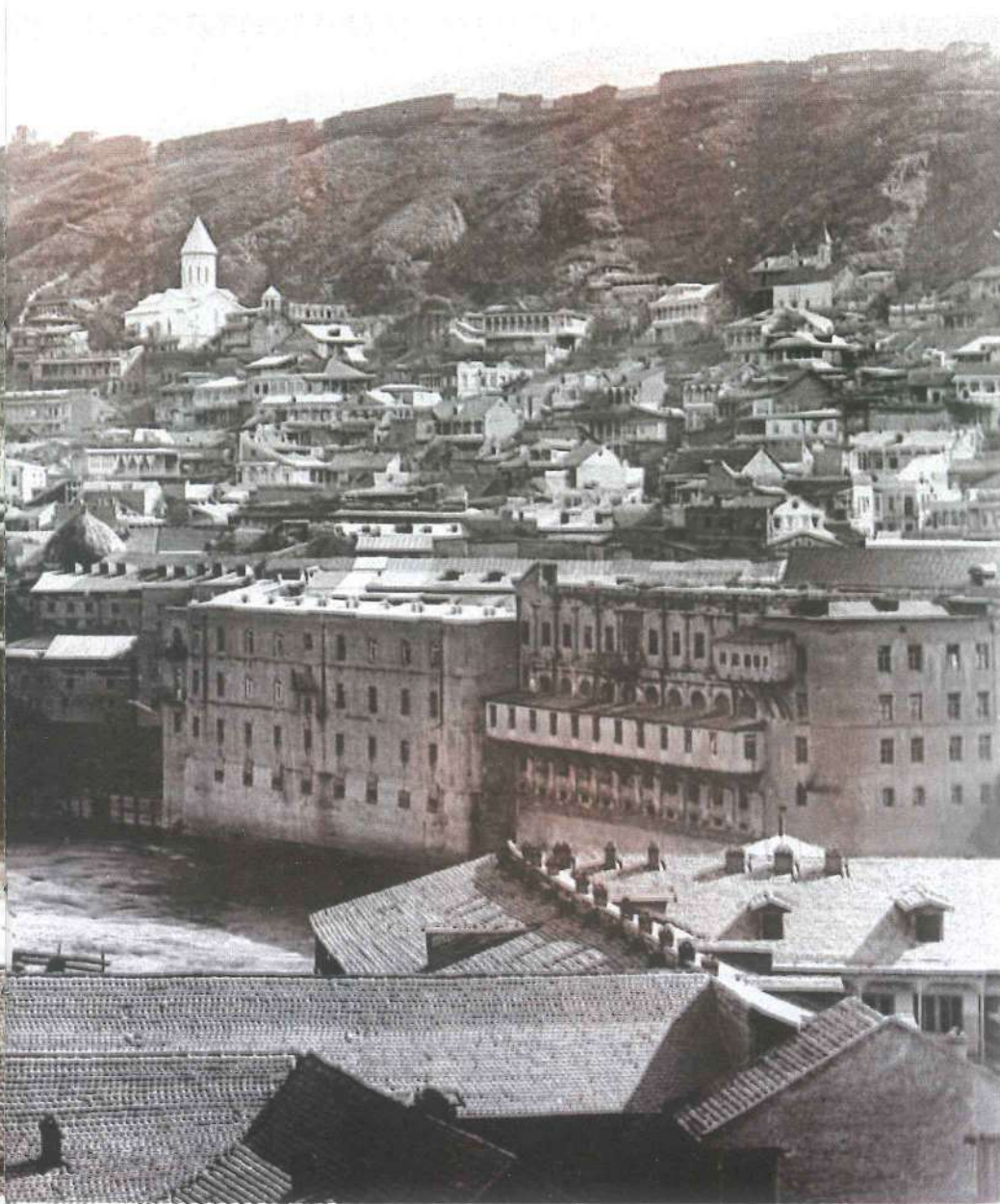
один из самых неисследованных. Вот и констатирует автор первой научной биографии писателя Мариэтта Чудакова: «Слабый свет его тифлисских литературных встреч — дарственная надпись Александра Порошина на книге «Корабли уходящие. Стихотворения» (Ахалкалаки, 1920): «Михаилу Афанасьевичу Булгакову. А. Порошин. 11 июня 1921. Тифлис».

Наконец — Батуми. Такой желанный и удивляющий на фоне все не отпускающих воспоминаний о Владикавказе: «...Цихидзири, Махинджаури, Зеленый Мыс! Магнолии цветут. Белые цветы величиной с тарелку. Бананы. Пальмы! Клянусь, я сам видел: пальма из земли растет. И море непрерывно поет у гранитной глыбы. Не лгали в книгах: солнце в море погружается. Краса морская. Высота поднебесная. Скала отвесная, а на ней ползучие растения. Чаква. Цихидзири. Зеленый Мыс». Но, несмотря на всю эту красоту, не оставляют сомнения: «Куда я еду? Куда? На мне последняя моя рубашка. На манжетах кривые буквы. А в сердце иероглифы тяжкие. И лишь один из таинственных знаков я расшифровал. Он значит: горе мне! Кто растолкует мне остальное?!»

Увы, и в долгожданном приморском городе горя хватает. «Мы жили там месяца два, — вспоминала Татьяна Николаевна, — он пытался писать в газеты, но у него ничего не брали. Очень волновался, что службы нет, комнаты нет. Очень много теплоходов шло в Константинополь. «Знаешь, может, мне удастся уехать», — сказал он. Вел с кем-то переговоры, хотел, чтобы его спрятали в трюме, что ли. Он сказал, чтоб я ехала в Москву и ждала от него известий. «Если будет случай, я все-таки уеду». — «Ну, уезжай». — «Я тебя вызову, как всегда вызывал». Но я была уверена, что

Тифлис. Начало 1920-х гг.

Таким в первый раз увидел Батуми М. Булгаков

мы расстанемся навсегда. Я уехала в Москву по командировке театра — как актриса со своим гардеробом. По железной дороге было уехать нельзя, только морем. Мы продали на базаре кожаный «бауль», мне отец купил его еще в Берлине, на эти деньги я поехала. Михаил посадил меня на пароход, который шел в Одессу».

«И ШИПИТ ОПОЗДАВШАЯ ВОЛНА»

В Батуми кончаются все привезенные из Владикавказа деньги. На базаре проданы последние ценности — обручальные кольца. Отправив жену («Нечего тут сидеть!»), Булгаков ведет тайные переговоры с владельцами и капитанами небольших

суденышек, все время ищет работу — деньги нужны не только на жизнь, но и на оплату замысленного побега в Турцию. Он пытается сотрудничать с телеграфным агентством РОСТА, потеряв надежду на постановку своих пьес, прибьется к театральному миру через очередной «подотдел». Но...

«Чаша переполнилась. В двенадцать часов приехал «новый заведующий».

Он вошел и заявил:

— По иному пути пойдем! Не надо нам больше этой порнографии: «Горе от ума» и «Ревизора». Гоголи. Моголи. Свои пьесы сочиним!

Затем сел в автомобиль и уехал...»

Потеряв последний заработок, Булгаков элементарно нищенствует. Человек с обостренным восприятием мира, с болезненным чувством собственного достоинства видел себя, как в зеркале, в таких же интеллигентах, которых подкосило крушение старого, привычного мира:

«Видел поэта из неизвестных. Он ходил по Нурит-Базару и продавал шляпу с головы. Како смеялись над

«На обточенных соленой водой голышах...»

ним. Он стыдливо улыбался и объяснял, что не шутит. Шляпу продает потому, что деньги у него украли. Он лгал! У него давно уже не было денег. И он три дня не ел... Потом, когда мы пополам съели фунт чурека, он признался. Рассказал, что из Пензы едет в Ялту. Я чуть не засмеялся. Но вдруг вспомнил: а я?» Да, и ему тогда жилось не лучше. «Жена Мандельштама вспоминала, как видела Мишу в Батуме лет 14 тому назад, как он шел с мешком на плечах, — записывает в 1935 году в своем дневнике третья и последняя жена Булгакова, Елена Сергеевна. — Это из того периода, когда он бедствовал и продавал керосинку на базаре». А вот его собственное восприятие тех дней: «На обточенных соленой водой голышах лежу как мертвый. От голода ослабел совсем. С утра начинается, до поздней ночи болит голова. И вот ночь — на море. Я не вижу его, только слышу, как оно гудит. Прихлынет и отхлынет. И шипит опоздавшая волна. И вдруг из-за темного мыса — трехъярусные

огни. «Полацкий» идет на Золотой Рог... Слезы такие же соленые, как морская вода».

Но и в таком незавидном положении, в неприглядном виде Михаил Афанасьевич думает о литературе. Та же жена Мандельштама пишет Елене Сергеевне уже в 1962-м: «Это было в Батуме в 21 году... К нам несколько раз на улице подходил молодой человек и спрашивал О. М., стоит ли писать роман, чтобы послать его в Москву на конкурс. О. М., к тому времени уже знавший литературную жизнь, говорил, что на конкурс посылать ничего не стоит, а надо ехать в Москву и связаться с редакциями. Они иногда подолгу разговаривали именно на эту «практическую» тему. О. М. говорил мне, что у этого незнакомого юноши, интересующегося конкурсом, вид, внушающий доверие («В нем что-то есть — он, наверное, что-нибудь сделает»), и что у него, вероятно, накопился такой материал, что он уже не в состоянии не стать писателем. Вскоре в Москве мы встретились с Булгако-

вым — автором рассказов и «Белой гвардии». Шумный успех «Турбиных» не был для нас неожиданностью»).

Почему тридцатилетнего Булгакова называют «молодым человеком»? Мариэтта Чудакова объясняет это так: «...Мандельштаму и его жене Булгаков кажется молодым человеком, тогда как он с Мандельштамом одного года рождения — поэт, по воспоминаниям современников и по немногим сохранившимся фотографиям, быстро старел, Булгаков же в эти годы выглядел моложе своих лет».

«ОНА ОТДАЛА ЛИЦО ВЕТРУ»

И именно в те ужасные дни Булгаков встречает в Батуми... Маргариту. «Стоп, — скажет читатель, даже не очень искушенный. — Какую такую Маргариту? Ведь всем известно, что прообраз героини великой книги — третья жена писателя Елена Шиловская!». Что ж, основные черты Маргариты Николаевны и впрямь взяты у Елены Сергеевны. Есть в них немало и от двух других жен Михаила Афанасьевича, а еще с десяток дам считали себя и музами писателя, и прототипами Маргариты. Но в Батуми навстречу голодному, оборванному Булгакову действительно идет женщина с этим именем.

Ее зовут Маргарита Петровна Архангельская. По мужу — Смирнова. Легкое, светлое виденье в белом платье-тоге. Рядом — двое шикарных военных. И вся она — воплощение иной

жизни, радостной, спокойной, в чем-то схожей с потерянным навсегда «довоенным» миром. Гордая и прекрасная, проходит она мимо, не заметив его. Вспомним, что Мастер встретил вполне благополучную Маргариту, будучи именно в таком же состоянии, как Булгаков в Батуми. И точно также создавал неравенство своего социального положения. А вот когда писатель повстречал Елену Сергеевну, он был уже известен публике и чувствовал себя совсем по-иному. Так не батумская ли встреча более близка к той, что в романе?

Еще раз Михаил Афанасьевич и Маргарита Петровна встретились через 10 лет, в Москве. И снова — реминисценции из «Мастера и Маргариты». Женщина, столь поразившая в Батуми воображение писателя, шла с желтыми весенними цветами. Она была в черном осеннем пальто, перчатках с раструбами и туфлях с замшевыми накладными бантами. Они быстро взглянули друг на друга

Маргарита Архангельская-Смирнова

Еще один пароход ушел
без Булгакова

и разошлись, но он вернулся и пошел за ней. «Это невозможно, так я вас опять могу потерять!» — вырвалось у него. Они гуляли целый день, разговаривали о литературе и никак не могли расстаться.

И тут, поклонники «Мастера и Маргариты», обратите внимание на удивительные совпадения. На ее сумочке — желтая буква «М», вышитая ею самой, у нее муж, которого она не любит, и красавица-домработница. Да еще она называет Булгакова... мастером. «Зашел разговор о море, о Кавказе. Я рассказала, что была во многих городах юга. (Муж был комиссаром-инспектором железных дорог РСФСР, и сразу после женитьбы, в мае 1921 года, муж взял меня в инспекционную поездку на три месяца по Кавказу и Закавказью)», — вспоминала Маргарита Петровна. Булгаков признается, что видел ее в Батуми. Она в ответ: «Ну, хватит болтать. Уж и мастер очки втирать!

— Как, как? Мастер?

— Ну да, мастерски умеете зубы заговаривать!..»

И еще: «Я помню, какими сияю-

щими глазами смотрел на меня Михаил Афанасьевич, когда я говорила о теплом ветре там, на набережной... И вдруг, читая роман «Мастер и Маргарита», нахожу свои слова: «Она отдала лицо ветру». Как он все помнил!» А впоследствии выясняются еще и другие связывавшие их обстоятельства, о которых Булгаков, считавший себя мистическим писателем, увы, так и не узнал. Оказалось, что старшая сестра Маргариты — Мария работала вместе с ним в «Гудке», а другая ее родственница — Вера Соколова была первой исполнительницей роли Елены в «Днях Турбиных». Они встретились еще пару раз, но Маргарита настоящая, чтобы встреч больше не было — она не хотела «ставить на карту не только свое благополучие, но и покой мужа и детей».

Спору нет, всего этого ничтожно мало, чтобы даже высказать предположение: эта Маргарита — та самая, из романа. В той, в возлюбленной Мастера, действительно воплотились многие женщины и, в основном, Елена Сергеевна, третья жена писателя. Но нельзя отрицать, что батумское прекрасное виденье в белой тоге, ставшее через годы явью в образе москвички с желтыми цветами, оказало огромное влияние на Михаила Афанасьевича. И не только в каких-то деталях, перешедших в главное произведение его жизни. Эта батумская встреча, как и беседы с Мандельштамом, могла стать еще одним поводом не покидать Россию.

А главным было то, что в Батуми Булгаков не только окончательно осознал, что его призвание — литература, но и понял, что он не в силах стать эмигрантом. Несмотря на все испытания, которые принесет Россия, уже ставшая иной. Да и вряд ли он выдержал бы ту нелегкую долю, которой

потом наделил героев своей пьесы «Бег». Невозможно представить его в трущобах Константинополя или в лимонных подштанниках генерала Чарноты на парижской набережной. «По общему мнению всех, кто серьезно интересовался моей работой, я невозможен ни на какой другой земле, кроме своей...» Это — уже из письма Сталину 1931 года.

Словом, после мучительных раздумий («Через час я продал шинель на базаре. Вечером идет пароход...») именно в Батуми, в Грузии, в сентябре 1921 года был сделан выбор, определивший всю его дальнейшую жизнь. «Довольно! Пусть светит Золотой Рог. Я не доберусь до него. Запас сил имеет предел. Их больше нет. Я голоден, я сломлен! В мозгу у меня нет крови. Я слаб и боязлив. Но здесь я больше не останусь. Раз так... значит... значит». Этой недоговоренностью тринадцатая глава первой части «Записок на манжетах» обрывается. Но следующая глава дополняет ее своим коротким названием «Домой»

М. Булгаков. 1930-е гг.

и несколькими фразами, которыми исчерпывается все ее содержание: «Домой. По морю. Потом в теплушке. Не хватит денег — пешком. Но домой. Жизнь погублена. Домой!.. Прощай, Цихидзири. Прощай, Махинджаури. Зеленый Мыс!».

«КУПАЕМСЯ В СОЛНЦЕ. КУПАЕМСЯ В СЕРНЫХ БАНЯХ»

Второй раз Булгаков приезжает в Грузию в апреле 1928 года. Его театральная слава гремит уже второй сезон: во МХАТе идут «Дни Турбиных» и заключен договор на постановку «Бега». В Вахтанговском — «Зойкина квартира». Критика, конечно, громит ее, но у касс — длиннющие очереди. «Предполагалось, что М.А. будет вести переговоры с Русским драматическим театром о постановке «Зойкиной квартиры»». Это цитата из воспоминаний второй жены писателя Любови Белозерской. Сам Михаил Афанасьевич не оставил никаких записей об этом эпизоде своей жизни. Поэтому слово для комментариев в дальнейшем предоставим именно его супруге.

В те годы столица Грузии, как, впрочем, и во все времена, по-особому относилась к талантам, «зажимаемым» властью. Она стала одним из немногих городов Советского Союза, в которых печатались произ-

Гостиница «Ориент» в Тифлисе

ведения Булгакова. Центральная республиканская газета «Заря Востока» публикует в августе 1924-го рассказ «Таракан», в ноябре перепечатывает из киевской газеты «Шквал» отрывок из романа «Белая гвардия» — «Конец Петлюры». Самой судьбой Тифлису было уготовано оказаться и в числе восьми периферийных городов, в которых разрешают ставить «Зойкину квартиру». Эта пьеса в сезоне 1926-27 годов идет все в том же русском театре, правда, уже переименованном в Тифлисский рабочий театр (сегодня это Тбилисский государственный академический русский драматический театр имени А.С. Грибоедова). Потом «наверху» словно опомнились, и пьеса исчезает из репертуара. Зато руководство театра задумывается о постановке «Бега». Вот и решает Михаил Афанасьевич приехать на берега Куры, чтобы, как говорится, разобраться на месте. А потом съез-

дить в столь памятную ему столицу Аджарии. Говоря словами его жены, «загорелось ехать на юг, сначала в Тифлис, а потом через Батум на Зеленый Мыс».

На тифлисском вокзале встречает «мастерица шляп» Ольга Туркул — старая знакомая по Владикавказу, у которой Булгаков встречал 1921 год. Ночь Булгаковы проводят в ее доме, а затем переселяются в гостиницу «Ориент» на проспекте Руставели. Писатель с женой спят с открытыми окнами (в апреле москвичам это кажется чудом), из которых восхищаются открывающимся видом: «Поздним вечером город очень красив и загадочен. Слегка вырисовываются темные силуэты гор, и какими-то особенными кажутся огоньки фонарей — блестящие на черном бархате». Вообще же, в Тифлисе им хорошо: «Купаемся в солнце. Купаемся в серных банях. Ходили через Верийский спуск в старый город,

Вторая жена писателя Любовь Белозерская

в Закурье. А Кура быстрая и желтая. Уж в ней-то ни капельки не хочется искупаться. То висячий балкон, то каменные ступени крутой, карабкающейся на гору лестницы вдруг остро напомнят мне Константинополь...»

В одной из уютных кондитерских Туркул знакомит друзей с «Марикой Чимишкиан, полуфранцуженкой, полуармянкой, молодой и очень хорошенькой девушкой, которая потом много лет была связана с нашей семьей». Мать этой внучки армянского театрального деятеля Геворка Чимишкяна действительно была французенкой. Сама Марика (Мария) к двадцати годам уже снялась в двух фильмах грузинской киноклассики — «Осиное гнездо» Ивана Перестиани и «Элисо» Николая Шенгелая. Она — подружка будущей великой актрисы Наты Вачнадзе, свой человек в среде

молодых грузинских поэтов, среди которых — немало громких имен. А главное, как отмечали все, знавшие ее, «кроме внешнего обаяния и привлекательного характера у нее было редкое свойство — она умела дружить с мужчинами». Добавим: в том числе — с Владимиром Маяковским. И мы еще встретимся с ней, когда она приумножит присутствие тифлисцев в московском доме Булгаковых.

Туркул объявляет: «Она будет вашим гидом!». Булгаковы хотят отправиться в Ботанический сад, но Марика признается: «Не могу — только что оттуда, устала». «А! Ну, тогда я пойду за машиной», — восклицает Михаил Афанасьевич, они совершают превеселое катание по Коджорскому шоссе и очень нравятся друг другу. «Нет, сегодня нам нельзя расставаться!», — резюмирует Булгаков и бежит за билетами в Оперный театр — там гастролирует московский Малый театр.

В тот вечер дают «Ревизора», но после первого действия Белозерская заявляет: «Вот что, братцы, после Мейерхольда скучновато смотреть такого «Ревизора». Вы оставайтесь, а я пойду пошляюсь (страшно люблю гулять по незнакомым улицам)». Нет сомнений, что прогулкой этой она осталась довольна — улицы-то были тифлиские... А тот вечер в театре, ей все-таки запоминается — там было еще одно главное действующее лицо: «Недалеко от нас в ложе сидела пожилая грузинка в национальном наряде: низкая шапочка надвинута на лоб, по бокам лица спускаются косы. Сзади к шапочке приколоты прозрачная белая вуаль. Все в Тифлисе знали эту женщину — мать Сталина».

«В ГОСТИНИЦЕ ЧТО-ТО ПРОИСХОДИТ»

С Марикой они встречаются практически каждый день из десяти, проведенных в Тифлисе. Но, как известно, время должно быть уделено и делу. А главное дело для Булгакова — переговоры о возобновлении «Зойкиной квартиры». Ведутся они с директором Тифлиского рабочего театра Владимиром Швейцером известным под псевдонимом «Пессимист», его женой — «актрисой на главных ролях». Судя по всему, ничего конкретного так и не сказал тогда Булгакову этот человек, впоследствии создавший со знаменитым кинорежиссером Яковом Протазановым сценарии таких фильмов, как «Праздник святого Йоргена», «Бесприданница», «Василиса Прекрасная»... Но весьма конкрет-

Владимир Швейцер, «Пессимист»

ным и чисто тифлиским становится завершение этой встречи — вместе с несколькими актерами труппы гости отправляются в «ресторан с заманчивым названием «Симпатия». Без него не обходились приезды в Тифлис практически всех деятелей русской культуры той поры. Этот подвальчик — символ славной старины — под разными названиями дожил до XXI века в доме 15 на Пушкинской улице. И исчез под новостроем лишь после реконструкции этой улицы в 2012-м.

В то время он был расписан художником-самоучкой Григором (прим. Карапетом Григорянцем), славившимся на весь город и уникальными вывесками. Такими, как «В духане Гога аппетит Бога», «Скори фэйтон весоли Антон иду вагзал и обратон», «Вини погребка кахетински Аюба Пием до гроба и даже в гроба!», «Гостиница имееш место на мая галава»... Подвал «Симпатия» этот коллега Пиросмани осчастливил другим — весьма специфическими портретами классиков литературы. Слово Любви Белозерской: «Тускло-золотистые стены были расписаны портретами: Пушкин, Лермонтов, Горький (так и написано), все в медальонах из виноградных гроздьев и все

В ДУХАНЕ ГОГА АПЕТИТ БОГА

ВИНИ ПОГРЕБА КАХЕТИНСКИ АКОБА ПРЕМ ДО ГРОБА И ДАЖЕ В ГРОБА!

на одно лицо сильно грузинского типа. За стойкой, заставленной национальными закусками, приправленными тархуном, киндзой, праси (это лук-порей), цицматом (особый сорт салата), стоял такой же черноусый грузин, как Пушкин, Лермонтов, Горький». От себя добавим, что со стен смотрели еще и Шекспир, Коперник, Раффи, царица Тамар...

Под их наивно-просветленными взорами застолье длилось часов пять: «Тост следовал за тостом. Только и слышалось «алаверды к вам, алаверды к вам». Чисто тифлисский колорит поражает Булгаковых не только этим: «Был момент, когда за соседним столом внезапно разгорелась ссора: двое вскочили, что-то гортанно крича, сбросили пиджаки на край маленького водоема, где плавали любимые грузинские рыбки и... я закрыла глаза, чтобы не видеть поножовщины, а когда открыла их, оба сидели за столом и мирно чокались своим излюбленным кахетинским».

А вот еще одно, говоря газетными штампами, культурное мероприятие «чуть не омрачилось одним происшествием». Как-то вечером Ольга Туркул приглашает Булгаковых в кино. Михаил Афанасьевич отказывается,

говорит, что хочет прилечь отдохнуть. По словам его жены, «он всегда спал после обеда, хотя уверял со своей милой подкупающей улыбкой, что он не спит, а «обдумывает» новое произведение». И дамы уходят, забрав с собой ключ от гостиничного номера. Конечно же, после сеанса они где-то задерживаются и уже на подходе к «Орианту» понимают: в гостинице что-то происходит:

«Пароконные извозчики, стоявшие вереницей у гостиницы, весело перекликались и поглядывали на одно из окон. До предела высунувшийся из окна взъерошенный М.А., увидев меня, крикнул на весь проспект Руставели:

— Я не ожидал от тебя этого, Любаша!

Внизу, в вестибюле, на меня накинулся грузин-коридорный:

— За чем ушла? За чем ключ унесла? Он такой злой, такой злой. Ключ

Марика Чимишкян

требуется...

Ногами стучит.

— Так неужели второго ключа у вас нет?

— Второго нэт...

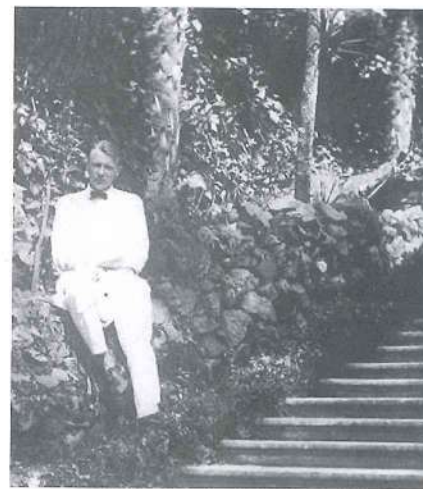
Но вот, в мае 1928-го, становится ясно: несмотря на все тифлисское гостеприимство, булгаковским пьесам в столице Грузии ничего не «светит». И супруги отправляются в Батуми.

«БЫЛ ОН ТОГДА СПОКОЕН И ВЕСЕЛ»

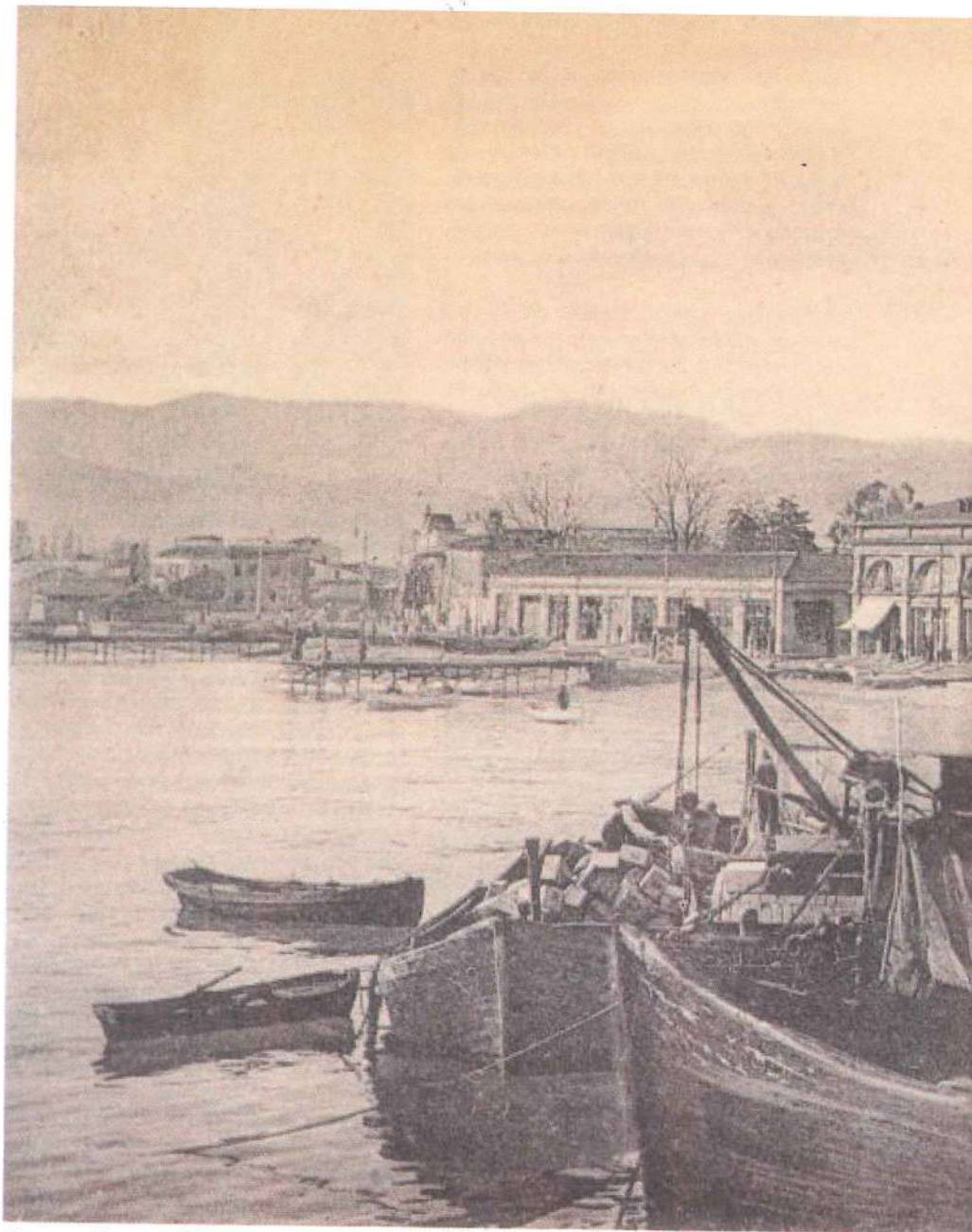
Город этот, как известно, «славится» дождями, и жене писателя, впервые увидевшей его именно в дождливый день, он не нравится: «Шел дождь, и был он под дождем серый и некрасивый... Об этом я в развернутом виде написала в письме к Ляминам, но мой «цензор» — М.А. — все вычеркнул. Это удивительно, до чего он любил Кавказское побережье — Батуми, Махинджаури, Цихидзири, но особенно Зеленый Мыс, — удивляется Любовь Евгеньевна, — хотя, если судить по «Запискам на манжетах», большой радости там в своих странствиях он не испытывал... Зеленый Мыс у него упоминается также в пьесе «Адам и Ева». Герой и героиня мечтают стряхнуть с себя все городские заботы и на полтора месяца отправиться в свадебное путешествие на Зеленый Мыс».

Булгаковы тоже стряхивают с себя все городские заботы. Живут в

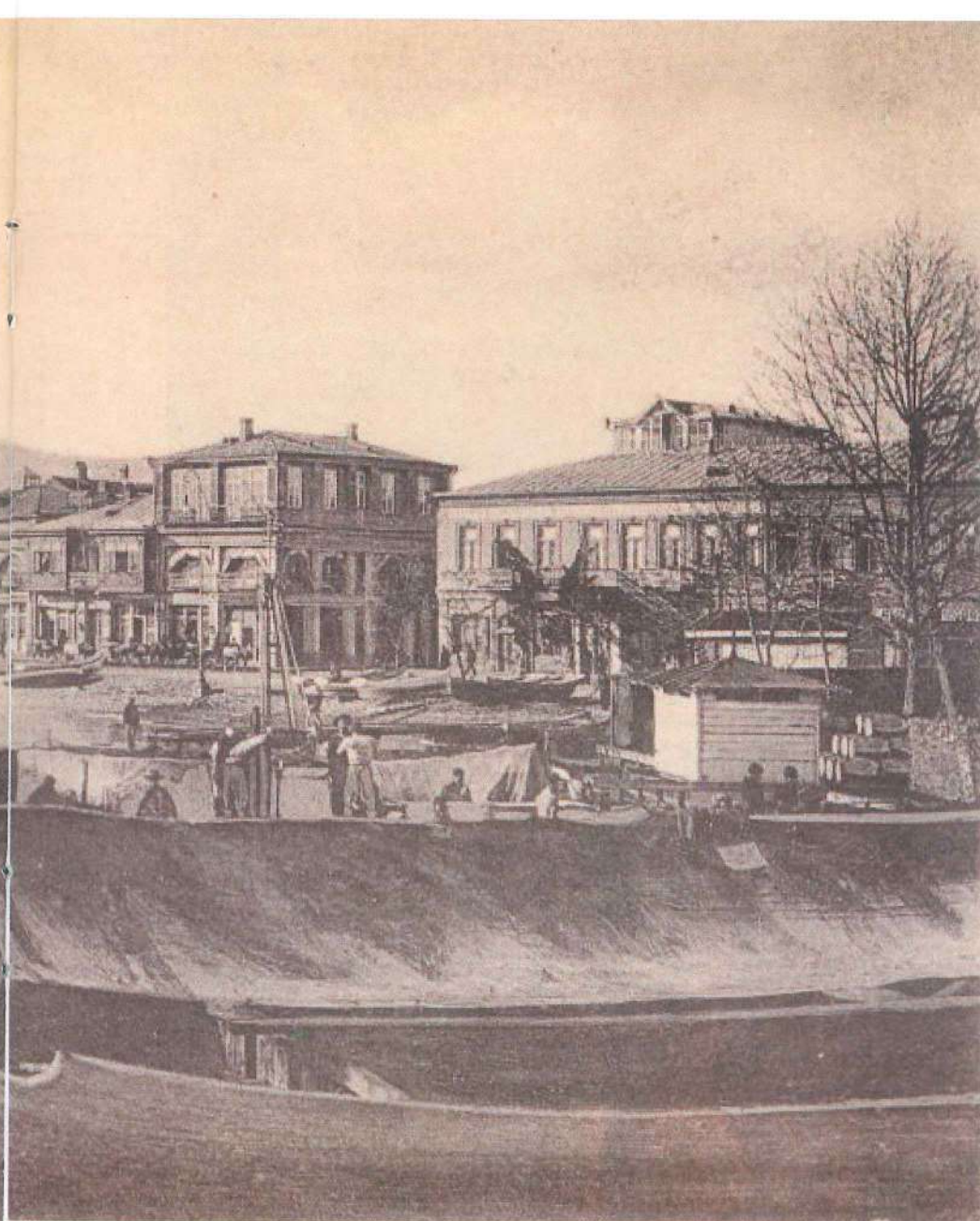

М. Булгаков на Зеленом Мысу

пансионате на бывшей вилле князей Барятинских, наслаждаются непривычными красотами: «Мы приехали, когда отцветали камелии и все песчаные дорожки были усыпаны этими царственными цветами. Больше всего меня поразило обилие цветов... Вчера видела знаменитый зеленый луч. Но не в нем дело. Дело в цветах. Господи, сколько их!». Пансионат, которым владеет датчанин Стюр, настолько нравится жене Булгакова, что она подчеркивает: «Когда снимали фильм «Хромой барин» по роману А. Толстого, понадобилась Ницца. Лучшей Ниццы, чем этот уголок, в наших условиях трудно было и придумать. Нас устроили в просторном помещении с тремя огромными, как в храме, окнами, в которые залетали ласточки и, прорезав в полете комнату насквозь, попискивая, вылетали. Простор сказывался во всем: в планировке комнат, террас, коридоров. В нижнем этаже находились холл и жилые комнаты Стюров — веселого простодушного хозяина-датчанина... его

Батуми. Начало 1920-х гг.

Пансионат Стюров

хорошенькой и кислой русской жены и 12-летней дочери Светланы...

Кроме них в пансионате народу мало, все — иностранцы, очевидно, не рискнувшие остановиться у местных жителей: два англичанина с дамами приехавшие с марганцевой концессии в Чиатура, и «проездом на родину — молодая миловидная датчанка с детьми». Почему не рискнувшие? Может, ответ даст любопытный эпизод, связанный с хозяйской дочкой: «Было жарко и влажно. Пахло эвкалиптами. Цвели олеандровые роши, куда мы ходили гулять со Светланой, пока однажды нас не встретил озабоченный М.А. и не сказал:

— Тебе попадет, Любаша.

И действительно, мадам Стюр, холодно глядя на меня, сухо попросила больше не брать ее дочь в дальние прогулки, т.к. сейчас кочуют курды и они могут Светлану украсть.

Эта таинственная фраза остается

целиком на совести мадам Стюр».

Несмотря на «опасность» со стороны мифических курдов и на то, что Михаил Афанасьевич не любит дальние прогулки, в знаменитый Ботанический сад он ведет жену уже чуть ли не на второй день после приезда. Обоих умиляет, что к ним прибивается «симпатичный рыжий пес, совсем не бездомный, а просто, видимо любящий компанию. Он привел нас к воротам Ботанического сада. С нами вошел, шел впереди, изредка оглядываясь и, если надо, нас поджидая... Осмотрев сад, мы все трое вышли в другие ворота». Даже пес на этой земле был компанейским и дружелюбным! И в его честь Булгаковы даже переходят на поэзию:

«Человек туда идет,

Куда пес его ведет».

Таинство южной черноморской ночи сказывается и на Любви Евгеньевне: «Широкие коридоры на-

шей виллы освещались плохо, и я, начитавшись приключений вампира графа Дракулы, боялась ходить в отдаленный уголок и умоляла М.А. постеречь в коридоре, при этом просила петь или свистеть. Помню, как он пел «Дивные очи, очи, как море, цвета лазури небес голубых» и приговаривал: «Господи, как глупо!» — и продолжал — «...то вы смеетесь, то вы грустите...»

Конечно, это было смешно, но граф Дракула требовал жертв...

Вот так! Несмотря на неудачу с возобновлением пьесы, второй приезд в Грузию стал для Булгакова лучом света в том темном царстве нападков, препон, злобы, из которого он ненадолго вырвался и которое вновь ждало его в Москве. Не случайно, любящая его женщина свидетельствует: «Стоит посмотреть на фотографию М.А., снятую на Зеленом Мысе, и сразу станет ясно, что был он тогда спокоен и весел». От себя добавим: таких дней в его жизни было ох, как мало!

И последняя запись о Грузии в воспоминаниях Любви Белозерской: «После Зеленого Мыса через Военно-Грузинскую дорогу во Владикавказ (Орджоникидзе)».

Но на этом надежды Булгакова увидеть свои пьесы на грузинской сцене все в том же году не заканчиваются. Практически никто из биографов писателя не упоминает еще один его приезд в Тифлис. Оно и понятно — литературоведы ориентировались на русскоязычные источники. Тем не менее, есть три документальных подтверждения этого приезда. Тбилисская исследовательница его творчества, доктор филологических наук, профессор Мзия Микадзе отыскала информацию в грузинской газете «Комунисти» за середину октября 1928 года. В ней сообщается, что «в Тбилиси приехал известный русский

писатель Михаил Булгаков». А точную дату этого приезда можно установить по надписи на фотокарточке: «Милый Маррон! Вам на память. Тифлис. 18.X. 1928 г. Михаил Булгаков». Снимок подарен очаровательному тифлисскому «гиду» Марике Чимишкян.

И еще. То было время, когда московскому Камерному театру неожиданно разрешили постановку «Багрового острова», и два ленинградских театра тоже заинтересовались этой пьесой. Надо было дать им ответ, и ответ этот поступил именно из Тифлиса. Писатель послал жене телеграмму с указаниями, добавив: «Предложения театров телеграфировать мне». Причина того, что Булгаков в столь важный для судьбы своих пьес период оказался в Грузии, может быть лишь одна. Известно, что в 1928-м его пьесы собирались ставить на грузинской сцене, так что он посчитал свое присутствие в Тифлисе необходимым. Увы, все кончилось неудачей. В очередной раз.

М. Булгаков в Батуми. 1928 г.

Фотография, подаренная
Булгаковым Марике Чимишкян

«МИЛЫЙ МАРРОН»

Казалось бы, все! С Тифлисом его больше ничего не связывает. Ан нет! Из Грузии он уезжает в одном поезде с красавицей Марикой, та как раз собирается в Москву. И, по приезде, навсегда входит в жизнь семьи Булгаковых. Кстати, контакты с ней поддерживались и до этого, девушка даже посылает Белозерской «кофточку, заграничную, шерстяную, серенькую», купленную на тифлисском «толчке». Там, как и водится по сей день, к сожалению, во многих странах, распродавалась бесплатная помощь из-за рубежа. А в 1927 году Марика виделась с писателем и его женой в Ленинграде. Булгаков вместе со своими знакомыми показывает ей город

и берет с нее слово, что на обратном пути она остановится в Москве. На московском вокзале Марику встречают не только Булгаковы, но и Ната Вачнадзе, и Маяковский. С ним она познакомилась в тот же год в Тифлисе, он провожал ее тогда по ночному городу. А позже, ухаживая за ней в Москве, Маяковский признавался: «Из-за тебя я даже с Булгаковым подружился!». Звучали и нотки ревности: «Вот увидишь, я напишу пьесу – переплюну твоего Булгакова...»

На вокзале в 1927-м завязывается спор, к кому везти гостью. Булгаков предпринимает решительное действие: подхватывает чемодан Марики и на такси увозит к себе. Тогда Маяковский делает ответный ход: просит показать билет, кладет его в карман и объявляет: «Вот когда мы найдем нужным, тогда ты уедешь». Та же компания провожает задержавшуюся на месяц девушку в Тифлис, и Бе-

Марика Чимишкян

лозерская отмечает, какое внимание проявляет Маяковский к отъезжающей: «В день ее отъезда позвонил Маяковский и сказал, что он заедет проводить Марику... В помещительной машине сидел он и киноактриса Ната Вачнадзе. Присоединились и мы трое. Шоколад, питье в дорогу, журналы, чтобы она не скучала. И все как-то очень просто и ласково. По правде говоря, я не ожидала от него этого.

Ната Вачнадзе

Обратно мы ехали молча. Я сказала:

– Что это мы молчим? Едем как с похорон.

Ната и Мака промолчали, а Владимир Владимирович сказал:

– Действительно, как с похорон.

Должно быть, здорово нравилась ему наша Марика!»

И вот в 1928-м Чимишкян, к всеобщей радости, навсегда переезжает в Москву и около двух лет живет у Булгаковых, спит в гостиной, на старинном диване, работает медсестрой.

Кира Андроникашвили

Случается, что среди ночи Михаил Афанасьевич будит не только жену, но и ее – читает им свеженалитые страницы. Он относится к девушке, как к младшей сестре, по-домашнему называет ее «милый Маррон» (помните снимок, подаренный в Грузии?). А она протягивает в его дом еще одну тифлисскую ниточку, удивительным образом связавшую русскую и грузинскую культуры. У Булгаковых живет ее подруга Кира Андроникашвили, сестра Наты Вачнадзе. Она станет женой писателя Бориса Пильняка, матерью сценариста и актера Бориса Андроникашвили – мужа актрис Людмилы Гурченко и Нонны Мордюковой.

Что ж, атмосфера вокруг Михаила Афанасьевича всегда была полна мистическими переплетениями судеб, и сама Марика не может не оказаться на орбите этой мистики. Именно в булгаковском доме тифлисская девушка знакомится с литературным критиком и сценаристом Сергеем Ер-

М. Булгаков, М. Чимишкян и
С. Ермолинский

молинским. И выходит замуж за этого человека, ставшего... прототипом застройщика Алоизия Могарыча. А комнату они снимают в деревянном доме в Мансуровском переулке, где Булгаков поселил своего Мастера. Образ Чимишкян видят и в очертаниях главной героини пьесы «Адам и Ева», автор даже меняет первоначальное отчество Евы – Маврикиевна на Артемьевна – именно такое у Марики.

Тут надо сказать, что Булгаковы недолголюбивают Ермолинского, и женское население квартиры провожает Марику со слезами. А Михаил Афанасьевич, оставаясь верным себе, не может обойтись без «подколки». Девушка обнаруживает в своем чемодане... бюст Суворова, стоявший на столе писателя. И слышит объяснение заговорщицким тоном: «Это если Ермолинский спросит, где твой бюст, не теряйся и быстро доставай бюст Суворова» (Марика сама признавалась, что у нее маленький бюст). Что ж, и великим писателям свойственны грубоватые шутки. Главное, что проводы «милго Маррона» заканчиваются всеобщим смехом.

А тифлисская красавица, выйдя замуж, не расстается с булгаковским

домом, прибегает туда при любой оказии. Ермолинский даже ревнует ее: «Что ты все бегаешь к Булгаковым?» Она же упрекала его в другом: «А ты что-то пишешь, пишешь и никогда мне не прочитаешь». Ну, а нелюбовь Булгаковых к Ермолинскому оправдывается через годы. Белозерская подчеркивала: в своих воспоминаниях он «походя упомянул о Марике, как об «очень милой девушке из Тбилиси», не удостоив (это после двадцати-то семи лет совместной жизни!) даже назвать ее своей бывшей женой».

«ЧТО-ТО БУДЕТ СО МНОЙ ОСЕНЬЮ?»

Проходят несколько лет, и неудач в жизни Михаила Афанасьевича становится все больше, травля на всех уровнях все сильней. Противостояние цензуре и литературным недругам изматывает писателя. Ему снова хочется вырваться за границу. Хотя бы на отдых. У многих известных литераторов проблем с этим не было. Правда, их, по возвращении, репрессировали. А вот Булгакова не трогали, но выезд запрещали. В 1934 году его с третьей женой Еленой Сергеевной Шиловой уже было вызвали получить загранпаспорта, но показательно вручили заветные документы всем мхатовцам, кроме них. На улице Булгакову становится плохо. Не помогает и очередное письмо Сталину, писать которому вошло у него в привычку. Вот уж воистину «никогда ни о чем

Виталий Виленкин

не просите, особенно тех, кто сильнее вас».

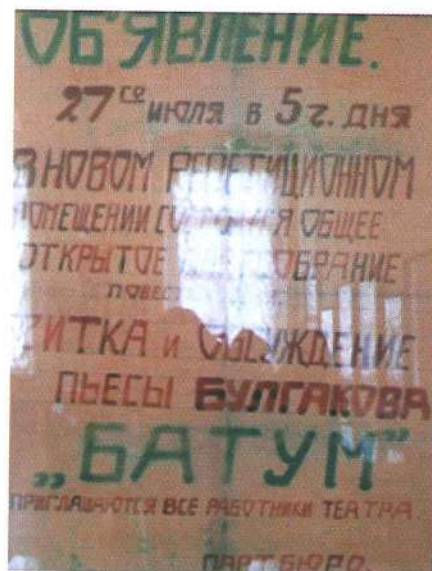
Но Булгаков не оставляет попыток. «Сообщаю тебе, что я подал заявление в Иностраный Отдел Московского Областного Исполкома о выдаче мне разрешения на поездку с женой за границу. Я мечтаю о том, чтобы хотя короткое время провести где-нибудь на курорте у моря, так я безмерно утомлен», — пишет он брату Николаю в 1935 году. А через полтора месяца: «...В предыдущем <письме> я сообщал тебе о том, что подал заявление о разрешении мне заграничной поездки. К сожалению, мне в этом отказано».

Что ж, если выезд не дают, мечта побыть «где-нибудь на курорте, у моря» воплощается опять-таки на Черноморском побережье Грузии. Август 1936-го Булгаковы проводят в Сухуми, в санатории «Синоп». И вскоре после приезда Михаил Афанасьевич пишет другу Якову Леонтьеву: «Чувствую, что бедная моя голова

отдохнула. Начинаю беседовать с друзьями, о которых вспоминаю с нежностью... «Синоп» — прекрасная гостиница. Отдохнуть здесь можно очень хорошо. Парк. Биллиард. Балконы. Море близко. Просторно. Чисто... Не нравится здесь немногим... Люся чувствует себя хорошо, чему я очень рад. Наша жизнь трудная, и я счастлив буду, если она наберется здесь сил. Первое время я ничего не читал, старался ни о чем не думать, все забыть, а теперь взялся за перевод «Виндзорских» для МХАТа... Ах, дорогой Яков Леонтьевич, что-то будет со мною осенью? К гадалке пойти, что ли?... Мы собираемся выехать отсюда 27-28 VII-го через Тифлис-Владикавказ...»

К сожалению, курортную идиллию прерывают все те же московские напасти. Приезжает режиссер МХАТа Николай Горчаков — уговаривает дописать новые картины к пьесе «Мольер» и требует, чтобы перевод шекспировских «Виндзорских проказниц» делался по его указаниям. Булгаков в ответ: «Запятой не переставлю». Однако творческая атмосфера у моря уже испорчена, и Михаил Афанасьевич с женой покидают Сухуми. В Москву они возвращаются проездом через Тбилиси, но сведений, о том, что делал там Булгаков, нет. Скорее всего, ни о каких театральные делах и речи не было — московское давление на писателя было печальным примером для всей страны.

Больше Булгаков в Грузии не был. Но столь любимый мистическим писателем грузинский город мистически сыграл в его жизни решающую роль, воплотившись в пьесу под одноименным названием — «Батум». Трижды Булгаков приезжал в Батуми в переломные моменты своей биогра-

фии, в отчаянных попытках победить судьбу. В первый приезд этот город помог ему сделать выбор и остаться на родине, еще два раза (он отдыхал там и в 1927 году) дал живительную передышку и окрылил надеждами на то, что все передраги утрясются. А в четвертый раз Булгаков побывал в нем уже мысленно, работая над пьесой о молодости Сталина. Если бы это виртуальное посещение закончилось успешно, будущее Михаила Афанасьевича было бы совсем иным: его произведения появились бы во всех театрах и стали бы издаваться огромными тиражами, его показательно заужавали бы в литературных кругах и позволили бы выезжать за границу...

Ответ на вопрос «Что-то будет со мной осенью?» приходит в сентябре 1938 года. От имени МХАТа друзья Булгакова — заведующий литературной частью театра Павел Марков и его помощник Виталий Виленкин,

литературный секретарь Владимира Немировича-Данченко — предлагают ему написать пьесу о Сталине. Дело в том, что на будущий год — 60-летие вождя. «Театру №1 в СССР» нужно соответствующим образом обновить свой репертуар. А генсек сыграл значительную роль во время травли Булгакова, когда безработного писателя громила критика, окружающие писали доносы, а ОГПУ вызывало на допросы и изымало рукописи. В 1930-м, не видя другого выхода, Михаил Афанасьевич пишет Сталину письмо, и тот лично звонит ему. После этого и показ «Дней Турбиных» возобновляется, и работа находится, и травля ослабевает. Помня об этом, Булгаков, пусть неохотно, но соглашается, выбрав для сюжета тот период, когда юный Иосиф Джугашвили занимался марксистской пропагандой среди закавказских рабочих. Однако архивных материалов, на которые он рассчитывал, ему не предоставляют, приходится довольствоваться официальными книгами и собственным воображением.

«ОЧЕНЬ ДОЛГО, СТОЯ, АПЛОДИРОВАЛИ»

Для комментариев к дальнейшим событиям буквально по дням вновь предоставим слово жене писателя, на этот раз — уже третьей, Елене Сергеевне Шиловской. «Миша пишет пьесу о Сталине», — отмечает она 22 мая 1939 года, уже 4 июня приходит

Виленкин «с настойчивым предложением от МХАТа заключать договор на пьесу... закончен, слушает, стараясь разобраться...» Сам он запишет в дневнике: «Вчера был у Булгакова. Пьеса почти написана. Впечатления: «ах!» не было ни разу, может быть, потому, что М. А. читал не узловые сцены... Но все — хорошо написано, тонко, без нажимов. Есть роли, не говоря уже о центральной, интереснейшей (Хмелев?).» Через день «черновик пролога из пьесы о Сталине (исключение из семинарии)» читается близким друзьям — соседу-драматургу Александру Файко и художнику Петру Вильямсу с женой. «Им чрезвычайно понравилось, это было искренно. Понравилось за то, что оригинально, за то, что непохоже на все пьесы, которые пишутся на эти темы, за то, что замечательная роль героя».

Еще через три дня Булгаков приходит уже непосредственно в МХАТ, с которым порвал три года назад — договариваться, на каких условиях принимается пьеса. Принимают его замечательно: не только расспрашивают, «какого актера он видит для Сталина и вообще для других ролей», но и даже обещают выхлопотать квартиру, «по возможности — 4 комнаты...». Затем картины из пьесы читаются в самых различных местах, и всюду «на ура». Корифей МХАТа, народный артист СССР Николай Хмелев заявляет, «что пьеса замечательна, что он ее помнит чуть не наизусть, что, если ему не дадут роли Сталина — для него трагедия». И напоминает о своем успехе в «Белой гвардии» — «Сталин сказал ему: «Вы хорошо играете Алексея. Мне даже сняты ваши бритые усики. Забыть не могу». Да и другие «мхатчики приклеились к Мише, ходили за ним как тени». По словам Виленкина, великий Василий Качалов «был

заинтересован предназначавшейся ему характерной ролью кутаисского губернатора», а «В.О. Топоркова заранее привлекала сцена у Николая II, принимающего всеподданнейший доклад о грозных кавказских событиях...»

Отлично проходит и читка пьесы у руководства Комитета по делам искусств, чутко стоящего на страже соцреализма: «Слушали с напряженным вниманием. Пьеса очень понравилась». А МХАТу уже не придется, Булгакова просят завершить работу к 25 июля. «У меня остается 10 дней очень усиленной работы, — отмечает писатель. — Надеюсь, что при полном напряжении сил, 25-го вручу ему пьесу... Я устал. Изредка езжу в Серебряный бор, купаюсь и сейчас же возвращаюсь. А как будет с настоящим отдыхом — ничего не знаем еще. ... Устав, отодвигаю тетрадь, думаю — какова будет участь пьесы. Погадайте. На нее положено много труда».

И вот 24 июля. «Пьеса закончена!

М. Булгаков в конце 1930-х гг.

15 год заката на Матрарини
Прудок подвиги для музика.
Удиль иуних бы лет придуати
одет в динкивский зорини
Кастомі. Мучо иуны елидо
а голубу со галматі...
Дружн...
Бил в буре, кастомі...
"молоток" и в танце...
Но голубу нем был херка.
Оба иуныли оті музика. Кітуні
Годеніи... сідті хенку ниті
...иіх на ирхли, кастомі
...Матрарини...
Налалкі били, иуны

Это была проделана Мишей совершенно невероятная работа – за 10 дней он написал 9-ю картину и вычистил, отредактировал всю пьесу... Прямо непонятно, как сил хватило у него». Очередная ответственная читка – на открытом заседании Свердловского райкома партии, проходящем в МХАТе 27 июля. «В театре в новом репетиционном помещении – райком, театральные партийцы и несколько актеров... Слушали замечательно, после чтения очень долго, стоя, аплодировали. Потом высказывания. Все очень хорошо... Театр должен ее поставить к 21 декабря». То есть к 60-летию юбилею главного персонажа «Батума». Становится известно, что пьеса нравится и Немировичу-Данченко, до этого признававшегося: «Давно я не ждал ничего с таким интересом, как пьесы Булгакова...»

Казалось бы, все замечательно. Но у Михаила Афанасьевича очередное мистическое предчувствие. Через тридцать лет его жена вспоминала: «Когда подъехали к театру – висела

Третья жена писателя
Елена Шиловская

афиша о читке «Батума», написанная акварелью, – вся в дождевых потеках.

– Отдайте ее мне! – сказал Миша...

– Да что Вы, зачем она Вам? Знаете, какие у Вас будут афиши? Совсем другие!

– Других я не увижу».

Эту испорченную дождем афишу пронизательный Булгаков сохраняет в своем архиве...

С нетерпением ожидая начала работы над пьесой, Немирович-Данченко звонит в секретариат Сталина, и ему отвечают, что вождь еще не возвращал рукопись. Самая главная читка «Батума» продолжается. Когда газета «Советское искусство» попортившая Булгакову немало крови, просит дать информацию о пьесе («...Наша газета так следит за всеми новинками... Комитет так хвалит пьесу...»), Елена Сергеевна произносит ключевые слова: «Пьеса еще не разрешена». Несмотря на все восторженные отзывы, разрешение может дать только один человек. А он читает долго и внимательно...

«НАДОБНОСТЬ ПОЕЗДКЕ ОТПАЛА»

Тем временем, мхатовцы, уже распределяющие роли и обсуждающие костюмы, вместе с Булгаковыми отправляются в Батуми и Кутаиси. Для постановки надо ознакомиться с местами действия, собрать грузинский фольклор, сделать наброски пейзажей для декораций и так далее.

Удивительно, что Булгаков ехать не хотел. Его впервые не влекло в Грузию, уже не раз решавшую его судьбу. Но он все-таки едет, и Виленкин вспоминает: «Все мы вместе именовались «бригадой», а Михаил Афанасьевич был в этой командировке нашим «бригадиром». Своим новым наименованием он, помнится, был явно доволен и относился к нему серьезно, без улыбки».

«Бригада» едет «с полным комфортом, в международном вагоне». Все переодеваются в пижамы, Елена Сергеевна устраивает «отъездной банкет» прямо в купе – ананасы в коньяке, пирожки... «Было весело. Пренебрегая суевериями, выпили за успех». А на остановке в Серпухове в вагоне появляется какая-то женщина: «Булгахтеру телеграмма!» Булгаков бледнеет: «Это не булгахтеру, а Булгакову». Он как будто все время ждал этого момента, говорила потом его жена. Телеграмма от директора МХАТа читается вслух: «Надобность поездке отпала возвращайтесь Москву». Все ясно: Сталин «зарезал» пьесу.

Мхатовцы, в спешке переодевая

пижамы и скидывая на перрон чемоданы, остаются в Серпухове. А Елена Сергеевна решительно заявляет: «Мы едем дальше. Поедем просто отдохнуть». Виленкин, смотревший на них уже с перрона, признавался: «Не забыть мне их лица в окне». Увы, вскоре они осознают, что дальше ехать незачем, никакого отдыха не получится. Сходят с поезда в Туле, с трудом нажимают машину, «три часа бешеной езды» до Москвы. «Навстречу чему мы мчимся? Может быть, смерти?», – опять-таки пророчески спрашивает Булгаков. Его мучает «неожиданная резь в глазах», приехав домой он позволяет зажечь лишь свечи, отказывается идти в МХАТ, куда его зовут для официального разговора. Жена признает: «Состояние Миши ужасно». Ермолинскому он говорит: «Ты помнишь, как запрещали «Дни Турбиных», как сняли «Кабалу святош», отклонили рукопись о «Мольере»? И ты помнишь – как ни тяжело было все это, у меня не опускались руки. Я продолжал работать, Сергей! А вот теперь смотри – я лежу перед тобой продырявленный».

Продырявленный, так как считал, что проявил малодушие, взявшись за «Батум». Хотя Виленкин, от имени театра уговаривавший его взяться за эту работу, запомнил его совсем не малодушным: «Никогда я еще не видел его таким злым, таким мстительным. Чего только не было сказано в пароксизме раздражения о театре, о Станиславском, о Немировиче-Данченко. Но прошло несколько месяцев, и атмосфера разрядилась. Что ему самому явно хочется писать, мы почувствовали, когда он еще был настроен непримиримо». И он написал «Батум» не из подхалимажа, не из-за страха. Как отмечает Елена Сергеевна, «просто хотел, как драматург, на-

Булгаков за работой над «Мастером и Маргаритой»

писать пьесу — интересную для него по материалу, с героем, — чтобы пьеса эта не лежала в письменном столе, а шла на сцене».

Нельзя не согласиться с историком театра Анатолием Смелянским: «Пьеса несет печать булгаковской драматургической техники: стремительность развития, легкость диалога, юмор, законченность и определенность любой, даже эпизодической роли. Неожиданную и далекую от его писательских интересов работу Булгаков выполнил с возможной профессиональной добросовестностью... Писал он «Батум» не под чью-то диктовку. Это было свободное, ответственное и необратимое писательское решение, и было бы унижительно для Булгакова перекладывать сделанный им выбор на плечи каких-то «милых людей», которые хотели при помощи драматурга решить собственные проблемы».

Пока писатель судит самого себя, многие стараются проявить сочувствие. Елена Сергеевна растрогана: «В общем скажу, за это время видела столько участия, нежности, любви и уважения к Мише, что никак не думала получить. Это очень ценно». Пи-

сателя понимают и хотят утешить не только близкие люди. МХАТ заверяет, что «ни в коем случае не меняет ни своего отношения к М. А., ни своего мнения о пьесе, что театр выполнит все свои обещания, то есть — о квартире, и выплатит все по договору». В Большом театре даже рождается мысль переделать «Батум» в оперу на музыку Дмитрия Шостаковича. Немирович-Данченко собирается просить встречи со Сталиным. Но жена писателя видит, что все тщетно: «У Миши состояние духа раздавленное. Он говорит — выбит из седла окончательно. Так никогда не было».

«ВСПОМИНАЙТЕ МЕНЯ ВЕСЕЛОГО»

Так почему же выносит губительный вердикт высший авторитет Страны Советов? Ведь пьеса «Батум» и «идеологически выдержана», и драматургически сильна, и написана ис-

кренно. «В отношении к генсекретарю возможно только одно — правда, и серьезная», — утверждал Булгаков в одном из писем еще 1931 года. Сталин отлично видел достоинства пьесы, но, скорее всего, запретил ее, разглядев и нечто такое, чего не предусмотрели ни автор, ни заказавшие ему пьесу мхатовцы.

Булгаков написал о раннем — тифлисском и батумском — шестилетнем периоде жизни Сталина, который тот сам называл периодом «ученичества». Вместо могущественного «вождя народов» был молодой романтический герой, сражающийся не столько за революционные, сколько за общечеловеческие идеалы. При этом автор ставил его в выдуманные положения и заставлял говорить выдуманные слова. Ведь архивных материалов, на которые он рассчитывал, ему не предоставили, и данные из официальных биографий вождя пришлось дополнять собственным воображением.

Писателя мучает «неожиданная
резь в глазах»

Елена Сергеевна у постели больного Булгакова

ем. А к святому нельзя прикасаться несанкционированными литературными домыслами. Молодой Сталин был похож на любого другого молодого революционера, великий же вождь должен быть уникален в любом возрасте. К тому же, в те страшные годы репрессий кто-нибудь из зрителей мог задуматься о том, почему человек, боровшийся с насилием власти, сам стал жесточайшим деспотом.

Как бы то ни было, Сталин высказывается дважды. Сначала: «Пьесу «Батум» считаю очень хорошей, но ее нельзя ставить». Потом: «Все дети и все молодые люди одинаковы. Не надо ставить пьесу о молодом Сталине». И все сведено на нет! «Батум» сыграл в жизни Булгакова совсем иную роль, чем Батуми.

Несостоявшаяся поездка в Грузию добивает Булгакова. Жить ему остается чуть более полугода. Случившееся он воспринял как прилюдную пощечину, как крушение всех планов и надежд. От морального потрясения обострилась наследственная почечная гипертония — нефросклероз. Писатель старается оправиться от страшного удара, несмотря ни на

«Вспоминайте меня веселого»

что все-таки подумывает о поездке в Батуми, но все его отговаривают. «И пункт неподходящий, и время», — признает и Елена Сергеевна. Но это не мешает такому ее откровению: «Ужасно мы огорчены, что сорвалась поездка на юг. Так хотелось покупаться, увидеть все эти красивые места».

Они едут отдохнуть под Ленинград. Там болезнь обостряется, вынуждает вернуться в Москву, Булгакову становится все хуже. И наступает момент, когда врачи требуют круглосуточного дежурства около больного. Подыскивают немало медсестер, но Михаил Афанасьевич отказывается, просит вызвать свою младшую сестру Елену и... Марику Ермолинскую-Чимишкян. Ее муж не возражает, чтобы она переехала к Булгаковым в столь страшное для них время.

«М. А., как врач, предвидел все проявления болезни, которые его ожидают, и предупредил, чтобы мы не пугались, когда так случится, —

вспоминала она. — Несмотря на свое тяжелое состояние, он еще находил в себе силы острить и шутить. Он говорил: «Не смейте меня оплакивать, лучше вспоминайте меня веселого». 10 марта 1940 года Михаила Афанасьевича Булгакова не стало. Он умер тихо... Как многие и многие из нас, я потеряла близкого большого друга».

Так в последние дни жизни рядом с ним было прекрасное воспоминание о солнечных днях в Грузии — Марика Чимишкян. Та самая «очень милая девушка из Тбилиси». Которой, как пишет Любовь Белозерская, «выпала печальная доля дежурить у постели умирающего писателя Булгакова в качестве сестры милосердия»...

Ну, как не назвать по-булгаковски мистическими все эти хитросплетения судеб и персонажей, связавшие берега Куры, Черного моря и Москвы-реки?

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	5
«ОН В ЭТО ВРЕМЯ УЖЕ МЕЧТАЛ ПЕЧАТАТЬСЯ»	6
«ГРЯДУЩИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ»	8
«БЫЛ ВОЕННЫМ ВРАЧОМ И СОТРУДНИЧАЛ В ГАЗЕТЕ»	10
«МОИ СКИТАНИЯ ДАЛЕКО НЕ КОНЧЕНЫ»	13
«ОЧЕНЬ ХОЧЕТСЯ В ТИФЛИС»	14
«А В СЕРДЦЕ ИЕРОГЛИФЫ ТЯЖКИЕ»	16
«И ШИПИТ ОПОЗДАВШАЯ ВОЛНА»	20
«ОНА ОТДАЛА ЛИЦО ВЕТРУ»	22
«КУПАЕМСЯ В СОЛНЦЕ. КУПАЕМСЯ В СЕРНЫХ БАНЯХ»	24
«В ГОСТИНИЦЕ ЧТО-ТО ПРОИСХОДИТ»	27
«БЫЛ ОН ТОГДА СПОКОЕН И ВЕСЕЛ»	29
«МИЛЫЙ МАРРОН»	34
«ЧТО-ТО БУДЕТ СО МНОЙ ОСЕНЬЮ?»	36
«ОЧЕНЬ ДОЛГО, СТОЯ, АПЛОДИРОВАЛИ»	38
«НАДОБНОСТЬ ПОЕЗДКЕ ОТПАЛА»	42
«ВСПОМИНАЙТЕ МЕНЯ ВЕСЕЛОГО»	44

რუსულ-ქართული კულტურული ურთიერთობები ქვეყნარტად ისტორიული მოვლენაა, რომელსაც ანალოგი არ აქვს.

რუსეთსა და საქართველოს ურთიერთობები სათავეს მეათე საუკუნეში იღებს - უძველეს ქრონიკებში ნახსენებია საქართველო და თბილისი. 1491 წელს დამყარდა დიპლომატიური ურთიერთობები. პეტრე პირველის დროს მდინარე პრესნიაზე საფუძველი ჩაეყარა ქართულ დასახლებას (თავდაპირველად - „გრუზინი“, ახლა - ბოლშაია გრუზინსკაია). XVIII საუკუნის ბოლოდან, გეორგიევსკის ტრაქტატის დადების შემდეგ, 1783 წელს ორ ქვეყანას შორის განსაკუთრებით მჭიდრო და ინტენსიური ურთიერთობები დამყარდა.

საქართველო პასუხობდა მფარველობას დახმარებითა და მხარდაჭერით - მათ შორის კულტურულით და სულიერით. ბევრმა რუსეთში დევნილმა დიდმა რუსმა საქართველოში თავშესაფარი მიიღო. ისინი აქ ყოველთვის პოულობდნენ თავისუფლებას, სამსახურს და თავყვანისცემას.

სერია „რუსები საქართველოში“ - რუსული ხელოვნების, რელიგიის, მეცნიერების, ლიტერატურის, სპორტის მოღვაწეების საქართველოში ყოფნის მდიდარი ისტორიის სისტემატური გაშუქების პირველი მცდელობაა, იმ გამოჩენილი ადამიანების, რომლებიც იმსახურებენ მაღლიერ ხსოვნას შთამომავლობისაგან.

სერია რუსეთ-საქართველოს ურთიერთობების ნამდვილი ენციკლოპედია იქნება. პროექტის მიზანია ხელი შეუწყოს რუსეთის კულტურული მემკვიდრეობის პოპულარიზაციას, ააღორძინოს ინტერესი რუსეთის მიმართ საქართველოში და პირიქით, საზოგადოებრივი და კულტურული დიალოგის გაღრმავებას ორი მართლმადიდებელი მეზობელ ერს შორის.

Russian-Georgian cultural relations are truly a historical phenomenon that has no analogues.

Russia and Georgia are bound by eleven centuries of mutual intercourse. Starting of those relations dates back to the X century - Georgia and Tbilisi are mentioned in the ancient chronicles. In 1491 diplomatic relations were established. During Peter the Great's reign on the banks of the river Presnia was built Georgian settlement (colloquially - "Georgians", now - Bolshaya Gruzinskaya (Great Georgian). And at the end of the XVIII century, after signing of Georgievski Treaty in 1783, the relationship between two countries became particularly close and intense.

Georgia answered with help and support on this patronage. Many great Russians found shelter here - disgraced and persecuted in Russia, in Georgia they always found freedom, work and reverence.

A series "Russians in Georgia" is the first attempt of systematic coverage of the rich history of staying in Georgia outstanding Russian artists, religious leaders, scientists, writers, sportsman worthy grateful memory of descendants.

The series will be a real encyclopedia of Russian-Georgian relations.

The project aims promoting the Russian cultural heritage, the revival of interest to Russia in Georgia and to Georgia in Russia, intensifying social dialogue and cultural exchange of the two Orthodox neighbor nations.

Издатель –
Международный культурно-просветительский Союз
«Русский клуб»

При финансовой поддержке:
«Департамента внешнеэкономических и международных
связей города Москвы» и
«Правительства Москвы»

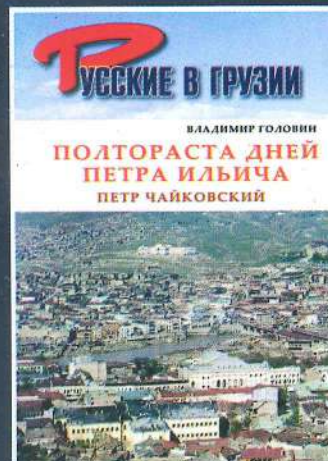
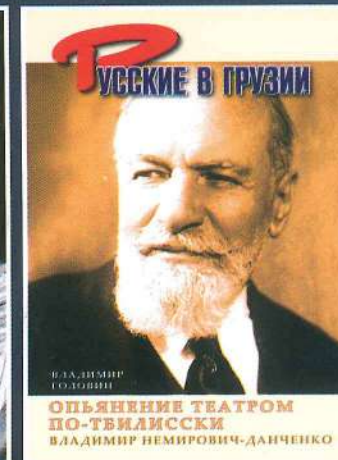
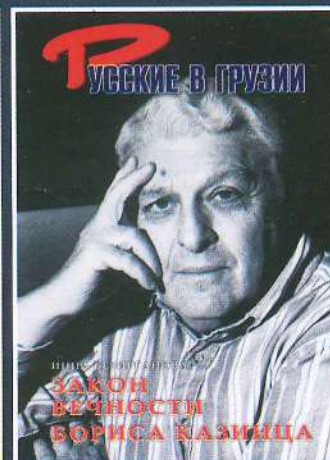
Руководитель проекта –
НИКОЛАЙ СВЕТИЦКИЙ
заслуженный деятель искусств РФ
заслуженный артист РФ

ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
**ЧЕТЫРЕ ПОПЫТКИ
ИЗМЕНИТЬ
СУДЬБУ**
МИХАИЛ БУЛГАКОВ

Редактор
АЛЕКСАНДР СВАТИКОВ
Дизайн, компьютерное обеспечение
ДАВИД ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Над книгой работали
НИНА ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ
АЛЕНА ДЕНЯГА
ИМЕДА СИНАТАШВИЛИ

ИЗДАНИЯ «РУССКОГО КЛУБА»

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

www.russianclub.ge rusculture@mail.ru